

С. И. НИКОЛАЕВ

Памятники польской письменности в «Переводной литературе Московской Руси» А. И. Соболевского*

«Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв.» А. И. Соболевского вот уже столетие является настольной книгой не одного поколения исследователей древнерусской литературы. Более четверти века ведутся разговоры о необходимости переиздания «Переводной литературы...». Однако идея комментированного издания этого труда со временем стала вызывать сомнения в целесообразности да и в самой возможности ее осуществления. Действительно, разыскать специалиста, который бы не просто ориентировался, а профессионально разобрался в древнерусской переводной литературе нескольких веков, знал не только научную литературу, но и рукописную традицию — задача не из простых, если не сказать просто невыполнимая. Гораздо удобнее и практичнее собрать коллектив авторов — специалистов по тому или иному периоду или литературам и языкам. Здесь могут возникнуть сложности иного порядка, в первую очередь организационного. В конечном счете эти трудности могут быть разрешены и комментированное издание старой научной работы подготовлено. В качестве примера можно указать комментированное издание классического труда В. О. Ключевского «Древнерусские жития святых как исторический источник», вышедшее в 1988 г.

Дело, однако, в том, что «Переводная литература...» А. И. Соболевского — это не просто научная монография, а «Библиографические материалы», как назвал книгу сам автор, т. е. справочник особого типа, что, кстати сказать, и обеспечило ему долгую научную жизнь. Допустим, что работа по комментированию этого труда была бы благополучно завершена. Каков был бы результат такой трудоемкой работы?

Во-первых, есть основания полагать, что новый справочный аппарат окажется чрезмерно велик, поскольку за истекшее столетие накоплено огромное число наблюдений и уточнений, как частных, так и весьма существенных. Очевидно, что в комментариях будет указано и на неточности автора в определении оригиналов переводов, времени перевода и даже языка оригинала. Понятно, что эти уточнения нисколько не могут умалить значения книги А. И. Соболевского, однако у малоподготовленного читателя (а справочник неизбежно предполагает и такого!) может сложиться превратное впечатление о «Переводной литературе...» А. И. Соболевского, чего этот замечательный труд, конечно, не заслуживает.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 04-04-00183а).

Во-вторых — и это более важно — комментированное издание «Переводной литературы...» подытожит изучение древнерусской переводной литературы за истекшее столетие, но только в рамках данного труда и потому вряд ли сможет сыграть ту стимулирующую роль в ее изучении, которую пощастливилось сыграть книге А. И. Соболевского. В научном обиходе иногда бытует мнение, что «Переводная литература...» — едва ли не исчерпывающий свод сведений о переводах в Древней Руси. Часто встречающиеся в научной литературе фразы: «перевод не учтен у Соболевского» или «список не учтен у Соболевского», как кажется, подтверждают это предположение. Между тем очевидно, что «Переводная литература...» А. И. Соболевского исчерпывающим сводом не является, да и сам автор не предполагал давать такого свода, что подчеркнул в предисловии: «Выпуская в свет сборник своих старых и новых статей по библиографии древнерусской переводной литературы, мы не имеем в виду дать читателю что бы то ни было полное. Мы предлагаем только материалы».¹ «Переводная литература...» А. И. Соболевского — это результаты собственных разысканий автора, за пределами книги (в которой, кстати, почти нет беллетристики) остались переводы, изученные или изданные А. Н. Пыпиным в «Очерке литературной истории старинных повестей и сказок русских»,² Н. С. Тихонравовым в «Русских драматических произведениях 1672—1725 гг.»,³ П. П. Пекарским в «Науке и литературе в России при Петре Великом»,⁴ не говоря о многочисленных исследованиях отдельных переводных памятников. А сколько неизвестных А. И. Соболевскому переводов было выявлено, изучено и издано за прошедшие сто лет?

Представляется, что лучшей данью памяти А. И. Соболевского и более плодотворным для дальнейшей работы было бы не комментированное переиздание его «Переводной литературы...» (это не относится, конечно, к изданию недавно обнаруженных его помет к своему труду), а создание нового и более полного библиографического справочника по древнерусской переводной литературе. Только что упомянутый «Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских» А. Н. Пыпина с комментариями не переиздавался. Но в 1940 г. вышла известная библиография В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской «Древнерусская повесть», сыгравшая большую роль в изучении древнерусской беллетристики, в эту библиографию вошли, конечно, и разыскания А. Н. Пыпина. Как раз по образцу этой библиографии, включая структуру отдельных библиографических статей, я бы и предложил начать работу по древнерусской переводной литературе. Вероятно, это будет несколько выпусков, над составлением которых работали бы разные специалисты. Определенные основания для деления на выпуски дает и сама «Переводная литература...» А. И. Соболевского. Книга слабо структурирована, однако автор выделил в ней два больших раздела: «Западное влияние на литературу Московской Руси» и «Греческое влияние

¹ Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв.: Библиографические материалы. СПб., 1903. С. VII.

² См.: Пыпин А. Н. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857.

³ См.: Тихонравов Н. С. Русские драматические произведения 1672—1725 гг. СПб., 1874. Т. 1—2.

⁴ См.: Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1—2.

на литературу Московской Руси». Но этот вопрос может быть предметом отдельного обсуждения.

По роду своих занятий для работы над подобной библиографией я выбрал польско-русские литературные связи. Вынесенные в заглавие статьи «памятники польской письменности» занимают хотя бы по своему числу одно из ведущих мест в переводной литературе XVII в. и одно из центральных мест в «Переводной литературе...» А. И. Соболевского. Между тем нельзя забывать, что сам автор, признавая важную роль польской литературы как литературы-посредницы, очень невысоко оценивал собственно польско-русские связи: «Должно заметить, — писал он, — что говорить о преимущественном влиянии польской литературы на литературу Московской Руси мы не имеем никакого права. Произведений писателей-поляков у нас было переведено сравнительно немного. Мы воспользовались главным образом польскими переводами западноевропейских произведений и написанными на польском языке сочинениями южнорусских авторов».⁵ А. Брюкнер в рецензии на труд А. И. Соболевского достаточно резко (и в целом справедливо) высказал свое несогласие с оценкой только посреднической роли польской литературы.⁶ Однако суровому суждению А. Брюкнера мы должны противопоставить не просто наше новое понимание историко-литературного процесса XVII в., а конкретные историко-литературные факты, поэтому в предполагаемую библиографию следует включить сведения обо всех переводах с польского языка (а также сочинений польских авторов на латинском) на русский с XVI до середины XVIII в., включая и эпоху Петра Великого, которой Соболевский посвятил отдельную библиографическую работу.⁷ Таким образом, в библиографию войдут помимо собственно художественной литературы (проза, поэзия, драма) переводы сочинений по истории, трудов по теории права и государства, а также сонники, лечебники, астрологические сочинения, календари и т. д. Библиография будет выполнять и роль каталога памятников, по которому можно будет судить о периодах активизации и ослабления литературных связей, а также об интересе к разным областям польской письменности в разные эпохи.

Говоря обо всех переводах с польского языка, следует сделать важную и вынужденную оговорку — о *почти* всех переводах. В библиографию войдут памятники, имеющие отношение только к польско-русским литературным связям, т. е. исключаются польско-украинские и соответственно украинско-русские связи. Очевидно, что польско-русские и польско-украинские литературные связи — это понятия разного качества и объема, что было обусловлено конкретными историческими причинами. Поэтому «памятники польской письменности в России» в предполагаемой библиографии понимаются в узком смысле, не политически-государственном, а этнически-культурном, т. е. русские переводы произведений украинских писателей в библиографию не войдут. Вместе с тем в нее войдут переводы классической и западноевропейской литературы (Эзоп, Иосиф Флавий, Овидий, Эразм Роттердамский и др.), выполненные с польского языка.

⁵ Соболевский А. И. Переводная литература... С. 50.

⁶ См.: *Brückner A.* [Рец.] // *Pamiętnik Literacki.* 1904. N 1. S. 128—131.

⁷ См.: Соболевский А. И. Из переводной литературы Петровской эпохи: (Библиографические материалы). СПб., 1908.

В библиографическую статью, посвященную отдельному автору или анонимному памятнику, войдут данные об оригинале с отсылками к польским библиографиям, где читатель найдет необходимые сведения об изданиях оригинала и посвященной ему научной литературе (разыскать эти сведения — не всегда простая задача), изданиях перевода и всей научной литературе о нем, а также возможно полные сведения о рукописных источниках: перечень всех выявленных списков с указанием шифров и отсылками на печатное описание рукописного собрания, если таковое имеется.⁸

Работа над такой библиографией ведется мною в течение ряда лет и уже близка к завершению. Представляется, что она даст историку русской литературы достаточно полное представление о взаимосвязях двух литератур в XVI—XVIII вв., а специалисту по польско-русским связям — необходимые начальные материалы для работы, которые в дальнейшем он сможет уточнить, дополнить или опровергнуть. Представляется важным, чтобы историк литературы, особенно начинающий, сразу увидел неразработанные проблемы, т. е. предполагаемая библиография должна не только подводить итоги, но и способствовать дальнейшему изучению древнерусской переводной литературы.

Очевидно, что во многом библиография, о которой идет речь в настоящей статье, отличается от классического труда А. И. Соболевского и по хронологическому охвату, и по материалу, не говоря уже о структуре. Но делается она с мыслью о Соболевском, и во многих библиографических статьях в разделе «Научная литература» есть отсылки к его «Переводной литературе...», и зачастую до сих пор только ею этот раздел и может похвалиться.

Приведу один пример из работы над библиографией. В «Переводной литературе...» А. И. Соболевский описал перевод обширного сочинения о земледелии, скотоводстве, рыболовстве, семейной жизни — одним словом, обо всех сторонах жизни польского шляхтича: «Сокровище известных тайн экономии земской. Ключ до сокровища экономии земской, в немже разные новые и собственные замыкаются о урождениях и пожитках земских в трактатах 30 воедино собранные материи, ради лучшаго благоразумному читателю изобретения, показующе, что в книге сей замыкается и обретается». В польском происхождении памятника А. И. Соболевский не сомневался: «Оригинала мы не знаем и можем о нем сказать лишь то, что он — на польском языке».⁹ К этим словам он сделал примечание: «Мы сличали с книгою *Nauc'a Ziemiańska generalna oekonomia*. Krak., 1679. Последняя, вероятно, оригинал „Генеральной Экономики”, переведенной с польского в 1720 г. (Баузе, № 236)».¹⁰

Интуиция не подвела А. И. Соболевского. Действительно, оригинал «Сокровища известных тайн экономии земской» написан Якубом Казимежем Хауром (1632—1709), но только это не «*Oekonomika ziemiańska generalna*» (1-е изд. — 1675), а ее значительно расширенная редакция, фактически новый труд — «*Skład*

⁸ Подробнее см.: Николаев С. И. 1) Задачи библиографического изучения польско-русских литературных связей XVI—XVIII вв. // Литературные связи славянских народов. Л., 1988. С. 215—229; 2) Польско-русские литературные связи XVI—XVIII вв: Библиографические материалы. СПб., 2008.

⁹ Соболевский А. И. Переводная литература... С. 117.

¹⁰ Там же.

abo skarbiec znakomitych sekretów oekonomiej ziemiańskiej» (1689).¹¹ Перевод известен в одном списке 1730-х гг.¹² Судя по филиграням (Участкина, № 622, 808—1737, 1744 гг.), рукопись была изготовлена незадолго до ареста в январе 1737 г. ее владельца, кн. Д. М. Голицына, и конфискации его имущества, в том числе библиотеки.¹³ Просмотр рукописи показывает, что в принадлежавшей Голицыну рукописи читается список перевода, сделанный несколькими писцами в спешке и небрежно, с многочисленными описками и пропусками. Из 30 глав оригинала в списке Голицына нет перевода глав 9—12. Есть основания полагать, что это механический пропуск, возникший в процессе переписки или переплета. Перевод можно датировать первой четвертью XVIII в.

В книге Хаура есть замечательное и очень красноречивое свидетельство интереса русских читателей к польской литературе. Описывая в 13-й главе состав библиотеки, необходимой для ведения дел («Знаменания книг всякому человеку потребных»), Хаур называет и предыдущее издание своей «Генеральной экономики». Подчеркивая при этом значение книги, он приводит следующий рассказ, который в русском переводе звучит так: «1687 послы московские, которых было трех, до христианских цесарев посланных, егда были^a в Кракове, между многими вещами, которые у купцов куповали на свою потребу, между теми вещами и Економии спрашивали другаго издания, понеже и тот народ между иными честен есть, егда таковыми упражняется делами, которыи не можаше изобрести, того ради умыслне до немецкой земли, до Гданска^b и до Прусов посылаю было достати» (л. 106).¹⁴ Таким образом, уже в XVII в. книга Хаура вызывала в Московской Руси интерес.

«Сокровища известных тайн економии земской» Хаура — это универсальная подручная книга по домоводству для рачительного хозяина, в ней описано, когда что сеять и убирать, как ухаживать за скотом и домашней птицей (есть также описания слона и василиска), как лечить болезни и растить детей, как приготовить чернила и выводить пятна, как принимать гостей и т. д. и т. п. Но для историка литературы книга Хаура и ее русский перевод примечательны тем, что почти в каждом разделе каждой главы автор приводит к случаю какой-нибудь забавный или поучительный рассказ из всеобщей или польской истории. Так, в главу о разведении свиней включены «Три повести утешные о свиньях» (в переводе есть только одна): «Король пяты, король чески, единая остави свое товаринство, которое земьби в полю ради ловитвы, и сам точию ехал. Встретил его крестьянин его, которы нес поросенка. Овы поросенок зело кричал, тогда рекл ему Корол: „Закрути хвост поросенку и тако умолкнет“. Егда же крестьянин сотвори тако, абие поросенок умолчал. Тогда рекл крестьянин: „Познаю^b ты, яко и ты иногда свинарем был, ибо ведаеш о свиньях совершенно“. Корол же зело и премного сам с собою ради таковыя простоты смеющися, всим своим сиклитам пригуду часто ска-

^a *Испр.*, в ркп. бы ^b *Испр.*, в ркп. Гданника ^c *Испр.*, в ркп. по знанию

¹¹ См. об этой книге: *Ingłot S. Początki polskiej myśli ekonomiczno-rolniczej od XVI do XVIII wieku // Zarys polskiej myśli ekonomiczno-rolniczej do drugiej wojny światowej. Wrocław, 1973. S. 49—56.*

¹² См.: РНБ, Ф.Х.5. Далее ссылки на рукопись приводятся в тексте с указанием листов.

¹³ См.: *Градова Б. А., Клосс Б. М., Корецкии В. И.* К истории архангельской библиотеки Д. М. Голицына // *Археографический ежегодник за 1978 год. М., 1979. С. 239, 241.*

¹⁴ Ср.: *Haur J. K. Skład abo skarbiec znakomitych sekretów oekonomiej ziemiańskiej. Kraków. 1693. S. 169.*

зовал¹ и к тому крестьянину часто в дом приездял, дабы что у его услышел утешнего» (л. 66).¹⁵

В раздел о пресмыкающихся Хаур включил следующий мрачный «Случай дивный, которы стался недавно в дому шляхетском»: «Панна одна приставку молока что раз до огорода уж^а носила. Уж до ней тот час с гмаху^с своего вышедши, пил оное молоко, а что не допил, то оная панна потом остаток выпила. Слуга добрый того ж дому постерегши то и все как чинилось усмотревши, сказал о том господину своему, который тому удивившись и верил, и не верил, и рек до слуги: „Как еси добрый, уби того ужа“. А он слуга на то нарочно засадившись, когда панна по обыкновению своему ишла с молоком, позвавши ужа „трусъ, трусъ!“ Уж тот час пришел и толко почал пить молоко и се слуга, добывши сабли, перерубил впол, как какую колбасу, того ужа. Панна крикнет и от жалости великой по нем ревно начат плакати, на того глаголющи слугу: „Почто моего убил еси пташку?“ И так от тяшкой по нем печали впала в немоц и скоро умерла. Дивная // склонность и милость противо так опросному робаку!*» (л. 243—243 об.).¹⁶ Эта история представляет собой еще и любопытный пример трансформации волшебной сказки в «страшную» историю.

В раздел о семейной жизни Хаур вставил, в частности, две истории: «История волоская о любви мужа со женою, 1647 году»: «С Кому града нарицаемаго мещенин соделавше распрю между своим соседом, також брань твориши с собою, един от них смертную казнь принял. Живаго же воскорю до узилица и на смерть осудиша, чесо ради жена уведомишася примет милость на мужа своего, глаголюще его быти невинного и дающе причина его, старается свободити. Каменьдан же места того не хотяше // права престановити, повеле просови оному смертную казнь навести. Которая многократне просяще слезно, припадает до ног его. Он же, видяще жену красотою женскою хорошую, глаголет: аще мужа от смерти избавити, да будет мне повольная во всем. На что³ оная ничесого отвещати не хотяще, отъиде в своя си. Он же разжегшися абие яростию, повеле воскорю ему смерть нанести, что скорбная жена возвести мужу глаголати коменданта. Он же сий рече: „Не можеши иным способом“ мене от смерти уволити, сотвори тако“. Она же бедящеся со мыслию своею, боящеся Бога образити, ничтоже враг оную прелстити, и открыла то хотение камендата. По каковом деле камендат повеле оного повесити, не показавше^с милосердия над оным, невеста же видяще немилосердие над собою и мужем своим, обличи его пред народом, глаголюще: „Мужа мне намильшаго умертви, мене же чистоты избавил“, на котораго могла вышшаго суду просити у губернатора Фердинанта Зонзанги. Егда же оная невеста вся подробну на суде предложи, яко много денег оному каменданту за своего мужа дала, то все въдвое пресудил суд отдати, оному с нею с любве взяти, // по любве вскоре на шибиницу отдано.¹⁷

¹ *Испр.*, в *рпк.* сказать ^а *Испр.*, в *рпк.* ужа ^с *Испр.*, в *рпк.* маху. В оригинале «z lochu» * *Испр.*, в *рпк.* рыбаку. В оригинале «tak sprosnemu gobakowi», т. е. «столь гнусному червяку» ^а *Испр.*, в *рпк.* ничто ^с *Испр.*, в *рпк.* свободом. * *Испр.*, в *рпк.* показвше

¹⁵ Ср.: *Ibid.* S. 62—63.

¹⁶ Ср.: *Haur J. K. Skład abo skarbiec...* S. 328.

¹⁷ Этот сюжет известен по сборнику новелл «Экатоммити» (VIII, 5) Джиральди Чинтио (1504—1573), см.: Итальянская новелла Возрождения. М., 1957. С. 503—513.

В Венеции противным¹ способом подобное дело случилось. Случилось некоего, яко Венеции прокуратор прав² судебных имел³ жену лепотою красною, с которою един от женихов⁴ имел любовь. Воскорее же прекуратор, оного поймавши, повеле его звазати и на челе⁵ печатию свой герб оному напечатати, тако глаголющи: „Того ради⁶ даю тебе⁷ мой герб, яко толкование имеешь со моим домом“, и тако его вольно отпусти.⁷

Луче же есть со своею тешитися женою, нежели чинити между иными нелюбовь и свары, ибо речено есть: „Что себе не желаеши, и иному не твори“» (л. 122 об.—123 об.).¹⁸

В последнюю главу «о повседневной жизни» Хаур включил забавную «Повесть»: «Единаго времени приехав до Волог купец от стран полуночных и то шед во авьстерию, повеле хозяину давать ему ясти. Хозяин же вопроси его, что бы изволил кушати, он же отвеща ему, что дай то, дай, токмо абы мукалия.⁹ Тогда даст ему обычную тамошну порцию на¹⁰ единого, что он купец зьядъши и не роскошествовал. Повеле¹¹ паки дати полное, даже дано бысть, он же взял, пожде а третицею сотвори, аки бы ничесоже¹² пред ним бысть. // Видяще се господарь удивися, рече в себе: „Откуда убо человек сей? Воистинну, несть дна во чреве его!“ Егда же приде время заплаты, гость же от единаго платить, господарь же править у него за трех человек, глаголя: „Ти не помниши, яко трижды уготовлях тебе стол? Аще бым много таких гостей имел, каков ты еси, зъели бысте мя з ногами, ибо скоро бы не стало кухне и спижарне“.¹³ И тако коло оной заплаты была между ими¹⁴ на мног распра и мало не пришло ко битве. Господарь изразумевши онаго купца упор и жестокость, оберегаючись, дабы что зло не учинил ему (тамо бо жестокосердных отчаянными имеют), удался до уряду и абие забегл ему дорогу и арешт до росправы наложил на его. Егда сташа пред суд две страны, пал декрет таковой, абы гость за две порции заплатил, а тьретию абы господарь уступил. // Гость з того декрету недоволен сущи, ускаржается на мухи, понеже ему у столу прискожали и с ним ёли, просит судьи, да позволит ему мухи выбить с кватеры. Господарь, протак, штуки не зьразумевши, возсмеяся любезно, на сие соизволил. По сем паки оба совокупно пошли до господы. Егда же придоша, абие гость гдеколвек (так! — С. Н.) муху завидячи, бьет. Ползет // от яди же едина, сяде и на челе господаровом. Гость его дланию толь крепко удари, яко вмале не пад на землю. Господарь егда же в себе пришел, вопроси его, чесо ради тако творит. Отвеща: „Аз не изыду отсюду, дондеже вся мухи выбью и то моей на их поищу зневаги и тогда тебе за обед заплачу“. А пришло до того, же сам господарь, не хотячи от гостя ни единой заплатки, просил, абы пошел себе з его господы и сей помененный гость, не сведуще таможных повеленьник в питиях и яствиях померкования, послежде впад в малелной¹⁵ и воскорее умре.

¹ *Испр., в ркп. протиным* ² *Испр., в ркп. право* ³ *Испр., в ркп. меж* ⁴ *Так в ркп., в оригинале «kawaler»* ⁵ *Так в ркп., в оригинале «na jego naturalia»* ⁶ *Испр., в ркп. па.* ⁷ *Испр., в ркп. себе* ⁸ *Испр., в ркп. отпустити* ⁹ *Так в ркп., в оригинале «bylebyim się najadł», т. е. «лишь бы я наелся»* ¹⁰ *Испр., в ркп. но* ¹¹ *Испр., в ркп. пожелел* ¹² *Испр., в ркп. начесоже* ¹³ *Испр., в ркп. с плеварне* ¹⁴ *Испр., в ркп. или* ¹⁵ *Так в ркп., в оригинале «w malinę», т. е. «в горячку»*

¹⁸ Ср.: *Haur J. K. Skład abo skarbiec... S. 197—198.*

Требе убо есть всякому странствующему привыкати и обучатися поведением оной страны, в нейже случитца когда быти¹⁹ тамо, а не по своему поступати налогу» (л. 351 об.—352 об.).¹⁹

Таких историй, «утешных» или назидательных, в книге Хаура рассеяно множество. В упоминавшейся 13-й главе весь второй ее раздел содержит только обширные «Политичные приповести...», например: «Три вещи, которые всяк человек должен есть хранити: 1. Бога боятися и онаго молити. 2. Царя почитати. 3. Посполитую во всякой чести имети. <...> Три вещи гостя от дому прогоняют: 1. Егда кому за шею течет. 2. Егда дым очи помрачает. 3. Злая и сварливая жсна» (л. 108, 108 об.). Наставления в такой форме уже были известны русской переводной литературе XVII в.²⁰ К сожалению, в списке Голицына не сохранился перевод 12-й главы о корчме с целым рядом таких рассказов, в том числе пересказом одного произведения Яна Кохановского и классической новеллой на сюжет «жизнь—сон» об императоре Карле V, который велел подобрать спавшего на дороге пьяницу и привезти его во дворец, где его переодели в императорские одежды и весь день обращались как с императором, а на следующий день вновь пьяного положили на прежнее место. Эта фацеция уже была знакома русскому читателю XVII в. по переводу фацеций.²¹

Обилие поучительных «прикладов» или «случаев из жизни» в книге по домоводству вовсе неудивительно. Они не просто оживляют повествование о житейских делах и хозяйственных заботах, но и вполне уместны как иллюстрации тех или иных «теоретических» наставлений. Примечательно, что русский переводчик в некоторых случаях сокращал текст поучительного «приклада», что не всегда шло на пользу художественной выразительности, тем не менее он посчитал их присутствие в переводе необходимым. В результате русская переводная литература обогатилась не просто еще одним сочинением по домоводству, но и целым рядом «утешных повестей» и нравоучительных «прикладов».

¹⁹ *Испр., в ркп. бы*

¹⁹ Ср.: *Ibid.* S. 501—502.

²⁰ См.: *Спафарий Николай*. Эстетические трактаты. Л., 1978. С. 87—108; *Николаев С. И.* Произведения Яна Жабчица в русских переводах XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 163—192.

²¹ См.: Памятники литературы Древней Руси. Кн. 2: XVII век. М., 1989. С. 89—91.